

падению не готовилась, но и к обороне почему-то оказалась не готовой, погибла летом 1941 г. в результате коварной агрессии Германии.

Второй ответ впервые в полном виде дается во многих последних работах российских авторов М. Мельтюхова, В. Неvejeина, И. Павлович. Он звучит так: Сталин сознательно, с первого же момента прихода к власти в конце 20-х годов начал готовить завоевание Европы. Его цель была милитаризовать страну, спровоцировать мировую войну, вступить в нее в самый удобный момент и остаться, в конечном счете, единственным победителем. Провокация войны удалась в 1939 г. Кульминация советского нападения на Европу должна была прийти на лето 1941 г., но Сталин ошибся в сроках и позволил Гитлеру напасть первому.

Иногда встречается и третий вариант – Сталин вообще ни о чем не думал, ни к обороне, ни к нападению не готовился, никаких планов не имел, а войска двигал туда-сюда без всякой цели. Но рассматривать всерьез вариант Сталина-идиота не имеет смысла.

Выстроить последовательную защиту альтернативного варианта советской истории тоже до сих пор никто не решился. Для этого следовало бы доказать, что Сталин не только в принципе не готовил захват Европы, но и что у его внешней, внутренней, экономической и культурной политики были какие-то другие, неизвестные пока цели. Сегодня мы достаточно много знаем о Сталине, чтобы с большой долей уверенности утверждать – такая версия недоказуема.

Источники и литература

1. Nolte Ernst. Der Europäische Bürgerkrieg. 1917–1945. Nationalismus und Bolschewismus. 1997.
2. Raak R.C. Рец. на кн.: . Stalins Vernichtungsrieg 1941–1945. By Joachim Hoffman. Vunich. 1995// Slavic Review. 1996. Vol. 55. – P. 493–494.
3. Книжное обозрение. 1995. 21 февраля; Городецкий Г. «Ледокол»? Сталин и путь к войне // Война и политика. – С. 244–252.
4. Лит. газ. 1994. 21 сентября; Якобсен Г.–А. Вторая мировая война. Хроника и документы // Вторая мировая война: два взгляда. – М., 1995. – С. 84.
5. Накануне... – С. 242–243.
6. Неvejeин В.А. Синдром наступательной войны... – С. 155.
7. Отечественная история. – 1993. –№ 4. – С. 29. Положения статьи развиты в его книге: Hoffman J. Stalins Vernichtungsrieg 1941–1945. Planung, Ausföhrung und Documentation. Munchen. 1999. Первое издание этой книги было осуществлено там же в 1995 г.
8. Пайас Ричард. Три «почему» русской революции. – М.: 1996. – С. 30–40.
9. Россия в XX веке. Историки мира спорят. – М., 1994.
10. Терри де Монбриаль. Память настоящего времени. – М.: 1997. – С. 54.
11. Цит. по: Борозняк А.И., Буханов Е.Л. Рец. на кн.: Два пути на Москву. От пакта Гитлера – Сталина к операции «Барбаросса» (на нем. яз.), 1991 // Вопр. истории. – 1993. –№ 8. –С. 176. См. также: Якобсен Г.–А. Противоречивые оценки 22 июня 1941 года // Война и политика, 1939–1941. –М., 1999. – С. 253–269 и др.

Гадяцкий В.И.

ТЕХНОЛОГИЯ „ПОСТМОДЕРНИСТСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ”: ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ИЛИ НЕОТОТАЛИТАРИЗМ?

Вокруг недавних перипетий с президентскими выборами спешно запущено множество сладеньких мифов и официозных догм. Но нельзя останавливаться перед неприятными выводами. Г. Гегель недаром сказал: „Мужественное принятие истины, вера в силу духа – первое условие занятия философией” [1, с. 372]. Надо адекватно оценивать изменения власти без тоталитаристского увлечения массами и вождями, с позиций современного знания психологии масс, увидеть, что в этих событиях ведет к преодолению тоталитаризма, а что – к его обновленным формам.

Телетрансляция „революции в прямом эфире” с площади – наглядное пособие по психологии масс, иллюстрация к произведениям Лебона и Московичи. Вот актуальные тезисы этих авторов.

Люди в толпе представляют собой особый организм, который имеет иные качества, чем индивид, подобно тому, как организм имеет другие свойства, чем клетка. Человек в массе руководствуется подсознательным, у него теряется критическое отношение к происходящему, он легковверен, склонен к внушению, подчиняется коллективному бессознательному. Мысли и верования распространяются в толпе путем догматического утверждения, навязчивого многократного повторения и психической заразы, которая в толпе сродни микробам. „Собранные в общественные стада, одурманенные той таинственной силой, которую источает всякая перевозбужденная группа, люди впадают в состояние внушаемости, сходное с наркотическим или гипнотическим” [2, с. 47]. В толпе, подчеркивает Московичи, люди желают идентифицировать себя с вождем; индивидуальное самосознание распадается, вместо него возникает психическое единство толпы. „Живя в воображаемом мире, одурманенные образами и иллюзиями, сосредоточенными в бессознательном, толпы готовы проглотить все, что им преподносится и действовать в соответствии с этим” [2, с. 145].

Как собираются люди на майдане? Да, люди стремятся к свободе, желают повлиять на власть и общество. Но есть и другое – потребность в празднике, карнавале, зрелище политического соревнования. А есть еще и бегство от свободы – феномен, исследованный Достоевским и Фроммом. Свобода – это ответственность, – от нее и убегают. В том числе и на площадь. Бегут от одиночества, раздумий и сложного выбора, – в толпу, чтобы быть частицей большого общего, вплоть до желания в нем раствориться, найти опору в вожде.

Конечно, эти и другие мотивы присутствуют у разных личностей в разных пропорциях и комбинациях. В мотивации участия в массовых акциях ключевая роль принадлежит субъективным переживаниям и установкам, сформированным прежде всего СМИ, манипулятивной телерекламой, десятки раз услышанными истерическими слоганами „освободить от бандитов” и т. п., – словами-конфликтогенами, нагнетающими страх, ненависть и пренебрежение к оппоненту. Определенная роль принадлежит и предыдущему опыту людей и истории взаимоотношений между востоком и западом Украины, вплоть до архетипов коллективного бессознательного, идущих, возможно, от эпохи войн между Киевской Русью и половцами. Итак, не стоит игнорировать полиаспектности и многослойности мотиваций, исходить из одномерно-плакатного восприятия масс, характерного для тоталитаризма и его идеологий. Тезис о защите свободы и достоинства как главного мотива собрания сотен тысяч людей не способен объяснить, почему полмиллиона граждан не выходили на площадь, не блокировали правительственных учреждений для защиты свободы и достоинства в ответ на ограбление их государством и трастами, невыплаты зарплат, захват госсобственности номенклатурными и криминальными нуворишами. **И почему люди вышли теперь – на призывы... нуворишей, финансовой олигархии, ряженой в маскарадные шарфики оппозиции** – защитить, дескать, свободу и достоинство. Тогда как у организаторов была другая, прозаичная цель – провести на президентское кресло своего кандидата. И о чем бы ни мечтали люди на площади, настоящая цель акции и ее результат определялись не их идеалами или фантазиями, а интересами тех, кто организовывал и оплачивал собрание и блокирование, кто стоял на сцене и за ней. У свободы на баррикадах не такая пышная грудь, как на полотне Делакруа.

Сегодня существуют отработанные методы собирания масс, сценарии шоу-митингов на площади, технологии конструирования „постмодернистских революций”, базирующиеся на закономерности массовой психологии, используют психотехники, теории игр и современного пиара, сетевые структуры, испытанные в полуправильном бизнесе и религиозных общинах. Вследствие этого активность граждан оказывается не совсем гражданской, а смешанной, многокомпонентной. Современные неототалитарные технологии мобилизации больших масс людей как главного оружия в борьбе за власть заключаются, в частности, в объединении разных мотивов и форм активности, в использовании финансового и административного ресурса бизнесовых, общественных и религиозных групп, фондов и центров, в применении технических и психологических средств влияния на массовое подсознание. В ход идет все – от призывов защитить свободу и достоинство, от НЛП, суггестии, массового внушения – до попсы, танцев, бутербродов и денег.

Организованные и долговременные политшоу со всем комплексом подготовки и сопровождения нуждаются в глобальной информационной поддержке и в гигантском финансировании, для которого кассы обычных партий слишком малы. Так, по оценке Б. Березовского, „революция” в России для свержения Путина стоит \$ 1,5 – 2 млрд. Итак, необходимое условие „революций в пробирке” – социальный заказ внутренних и внешних олигархических групп, которые имеют миллиардные – легальные и нелегальные – источники финансирования. Заранее создаются общественные организации, фонды, центры, грантоеды, главная функция которых – даже не выборы, а **организация послевыборных массовых действий** – под лозунгом „наш победил, но через фальсификацию выборов у нас украли победу”. Цель – с помощью толпы вытеснить президента, которого желают отстранить или срок которого заканчивается и который боится защищаться; внести во дворец своего, формально – через „подправленные” выборы, а фактически – в результате бескровного переворота.

Телеканал какого-то „революционного” магната становится не только коллективным пропагандистом и агитатором, но и ключевым организатором смены власти – „революцию” надо не только показывать в прямом эфире, в режиме сериалов, но и дирижировать ею. Радио FM-диапазона и сотовые телефоны совершили технический переворот последнего десятилетия в возможностях оперативного собирания больших масс людей. FM-станции через массивную рекламу способны создать „мгновенную толпу” из десятков тысяч людей.

Преодоление неототалитаризма, борьба за справедливость и за свои права, против фальсификации выборов, абсолютно необходимы не только на индивидуальном, но и на массовом, уличном уровне. Проблема в том, настоящая ли это борьба против серьезных пороков системы в интересах большинства и под руководством действительно народных лидеров? Или имитация, симулякр – спектакль в исполнении менеджеров олигархии, которые десятилетия строили уголовно-олигархическую систему с подсистемами массового обворывания людей и фальсификации выборов, а теперь вдруг выступили в роли „народных лидеров”. Непринятие вызывает то, что протестный потенциал масс цинично эксплуатируют представители олигархата в собственных эгоистических интересах, да еще и через применение психотехник манипулирования массовым подсознанием по принципу „держи бандита!”

Собрание большой массы людей еще не является свидетельством социальных катаклизмов. Полмиллиона можно собрать и на фейерверк. И они собираются – на зрелище, на праздник, увидеть что-то яркое и покричать „ура!” Далеко ли от этого до псевдореволюции банкиров? Нет, если сделать политический фейерверк, карнавальное эстрадно-политическое зрелище, за которым люди желают наблюдать вместе, где можно ощутить себя на празднике да еще и, хотя бы иллюзорно, активным гражданином. Но сначала надо возбудить сильные эмоции, напугать каким-то „бандитом” или „диктатором”, а потом сделать его смешным и нестрашным – и толпа с геройским видом будет его высмеивать, славословить нового героя, который пообещает народу хлеба. Завести площадь и сделать ее самофункционирующей, блокировать и парализовать власть, дискредитировать ее неспособностью обороняться, – вот слагаемые „цветных революций”, изобретения, которое кто-то остроумно назвал политической атомной бомбой.

Рок-митинг-марафон, как и восстание – это мотор, который заводят и который в дальнейшем функционирует в режиме самоподдержания и самовозрастания. Площадь заведена неистовыми призывами собираться на рок-концерт с параллельным подсчетом голосов, приходиться на зрелище, на празднование победы и для осу-

ждения фальсификаций, для поддержки своего и высмеивания чужого, для недопущения к президентству „зека”. Молодежная тусовка превращается в постоянно действующий митинг, нагнетается дух необычности события, апокалипсиса, армагеддона, что через СМИ и личные контакты притягивает новых участников.

Масса притягивает к себе массу, море людей и зрелище, как и море огня или воды, завораживает, пленяет, соблазняет, действует, будто наркотик. Это и есть пресловутые „наколотые апельсины”. Сначала на такие собрания приходят нанятые и рок- и политфанаты, потом политизированные граждане, молодежь на тусовку; за ними просто обыватели, которые гуляют; дальше сходятся зеваки на зрелище; в конце концов, после достижения критической численности и разговоров о событии, к нему присоединяются конформисты и домоседы, чтобы быть „как все”. Маленький человек, который в неототалитарной системе побойится и слово сказать поперек своему начальнику, находит на площади безопасный объект и форму выражения скрытой при обычных условиях, будто шиш в кармане, гражданской активности. Площадь – это большой зал психологической разгрузки, вроде того, где можно отдубасить пугало начальника. Акция становится самовозрастающей, будто тесто на дрожжах. В этих собраниях есть элементы праздника, зрелища, фейерверка, подростковой игры вроде „Зарницы”, тусовки, карнавала, ярмарки или фестиваля сатиры, футбольного матча, спектакля, сериала, религиозных собраний и проповедей, клуба остряков, высмеивающих соперника.

Как заводят толпу? Политдиджей методически навязывает площади фамилию лидера. Чем большая масса людей, тем легче она поддается внушению. Какой-то процент „автоматических конформистов”(Фромм), не задумываясь, будут повторять любые лозунги, заражая других. Аберрация сознания: человеку кажется, что кричать в толпе, будто хор попугаев, под диктовку политшоумена, это проявление гражданской активности, даже смелости. Манипулятивная телереклама и майданные массовики-затейники сделали иконы не из диссидентов, которые в тюрьмах и ссылках страдали за народ, не из интеллектуалов или организаторов мощных народных партий, а из вчерашних премьеров правительства „бандитского режима”, позавчерашних номенклатурщиков – банковского клерка и начальника автобазы, которые сделали стремительные карьеры при том режиме и никогда не были в конфликте с ним. Один объявил себя оппозиционером за полмесяца до конца выборов, второй – за полгода, что одинаково комично.

Вместо борьбы за решение фундаментальных проблем собственности и демократизации люди были втянуты в бессмысленный спор вокруг двух персон, представляющих две бизнес–политические и административно-территориальные группы одного класса нуворишей. Нам предлагали быть болельщиками на этом матче абсурда, с точки зрения объективных интересов подавляющего большинства людей.

Толпа рождает диктатора – теперь уже в стиле фарса. В условиях информационного и ритуального террора куцых лозунгов одного направления и скандирования их хором площадь превращается в сеансы медитации. Неделями людей заводили обычные ораторы, узконаправленная односторонняя информация „чесных новин” и попса. Десятки раз в день на зрителя и слушателя телереклама обрушивала лавину зомбирующих слоганов–заклинаний. Часть людей слушает (если не смотрит) телевизор все время, когда дома, эта реклама буквально лезет в уши, оседает и гнездится в подсознании.

Ассоциации с пресловутым „Великим белым братством” возникают самые собой. Элементы тоталитарных сект бывают не только на малых и не только на религиозных площадях. И используют их не только маргиналы, но и провластные или псевдооппозиционные олигархические кланы.

На фоне последних событий слышно фанфаронские фразы о „рождении гражданского общества”, „революции в сознании”. Это не наивные иллюзии, а рецидив пропаганды вместо науки и философии. Для того, чтобы стать другим, нужна продолжительная и настойчивая работа души личности, самоусовершенствование, деятельность – личная и общественная, связанная с изменением собственности и демократизацией, а не тусовка на майдане с выкрикиванием имени кумира.

Признаками революционного скачка в сознании была бы действенная критичность к обеим олигархическим группам, а не к одной из них, способность противостоять манипулятивным психотехнологиям массового внушения. К сожалению, этого не было у тех, кто дал себя использовать в политической игре под видом карнавала.

Эволюция имеет преимущество над революцией. В том числе и в сознании. Чтобы не было революций (заварух, переворотов) в сознании – оно должно постоянно эволюционировать, а не застаиваться. На баррикады – и на духовные тоже – бегут после долгой спячки на печи. Чтобы мозги нельзя было заколотить внешним вмешательством в подсознание, они должны быть развитыми и гибкими, знания – основательными и систематизированными, убеждения – осознанными. Преодоление тоталитаризма в себе включает развитие критичности и альтернативности мышления, преодоление догматизма и склонности к внушению.

Выборы снова актуализировали мировоззренческую проблему, свободы и ответственности. Мы имеем свободу выбора, значит, ответственны за него. В любой ситуации, даже когда обстоятельства навязывают трагически-безвыходный сценарий – стать палачом или умереть самому, – есть свобода выбора. Мы можем избрать собственную смерть, но не стать убийцей. Наши выборы – это тоже непростая ситуация выбора, и мы ответственны, по крайней мере перед своей совестью, не только за свои действия или бездействие, а и за истинность или ложность своих убеждений, которые руководят нашим выбором. Если нет воли к истине – убеждения будут ошибочными, нам угрожает навязывание чужого выбора и чужой воли к господству над нашей личностью.

В свое время Эразм Роттердамский был перед выбором: кого «из двух кандидатов» поддерживать – папу и католиков или Лютера и протестантов. В ситуации, когда оба лагеря опираются на фанатизм, а то и на насилие, требуют от каждого сделать свой выбор, мужественное решение может заключаться в том, чтобы не поддерживать ни одну из сторон. „В водовороте политических страстей оставаться в стороне труднее, чем оказаться в чьем-то лагере” [3, с. 175].

В нашей ситуации имеем две бизнес–административные группы, каждая из которых навязывала своего кандидата: доверчивым – как наилучшего, а скептикам – как „меньшее зло”. Но выбор меньшего зла – совсем не безальтернативный вариант. Надо выбирать не зло, а способ противостояния обоим вариантам зла; не зло, хотя и меньше, а добро (хоть и не абсолютное). Перед подобным выбором были люди, которым обстоятельство навязывало выбор между властью Сталина или Гитлера. Концепт меньшего зла вел к поддержке кровавого диктатора под предлогом того, что он враг другого диктатора, власть которого уничтожила еще больше украинцев. Стратегически верным был трагически трудный вариант противостояния обоим тоталитаризмам (и третьему – в себе), с выходом за пределы тоталитарной парадигмы насилия как метода борьбы за независимость и свободу. Наш теперешний выбор не такой сложный и не трагический. Но и он нуждается в смелости, недогматическом мышлении и ответственности.

Что дает позиция неизбрания ни одного из двух неприемлемых кандидатов? Неверие к обоим, желание избрать принципиально иного. Победителем кто–то все–таки станет, но тот должен знать: если он ставленник олигархической группы, то пусть этот процент нуворишей за него и голосует. И все должны знать, что он – не вождь нации, избранный половиной избирателей, а условно (одним процентом) нанятый на работу чиновник, которого можно отстранить от должности через импичмент.

Народ, состоящий из личностей, если он не хочет быть слепым объектом манипуляций, должен овладеть знаниями по психологии масс на том же уровне, что и организаторы, чтобы уметь распознавать ловцов душ, закулисных заказчиков политшоу, делать выбор по–настоящему самостоятельно и ответственно. Это важная составляющая противодействия неототалитарным тенденциям, поиска системы и способов неманипулятивной организации социума на радикальное демократическое обновление общества – без лидерства олигархии, без ее ресурсов, не ради ее эгоистических целей, а в интересах большинства граждан Украины.

Источники и литература

1. Гегель. Политические произведения. – М.: 1978.
2. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. /пер. с фр./ – М, 1998..
3. Цвейг С. Триумф и трагедия Эразма Роттердамского. – М., 1977.

Герасимов А.В.

ИНФОРМАТИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В УКРАИНЕ

Целью статьи является систематизация понятийного аппарата термина информатизации, выделение основных тенденций развития информационных процессов в Украине.

Задачи, поставленные в данной статье:

- рассмотрение проблемных моментов информатизации выборов Президента Украины с учетом особенностей существующей на текущее время в Украине законодательной базы;
- краткий анализ практических результатов информатизации выборов Президента Украины;
- определение основных направлений дальнейшей информатизации избирательного процесса в Украине;
- влияние достигнутых результатов в области информационных технологий на действующее избирательное законодательство и технологию проведения выборов.

Объектом исследования является процесс информатизации предвыборной системы Украины и законодательные акты, осуществляющие его регулирование.

Предметом исследования выступает проблематика процесса информатизации выборов президента Украины и несовершенство существующей законодательной базы.

Для определения сути проблематики информатизации общественных процессов, в том числе предвыборной системы необходимо обратиться к выработавшейся понятийной системе и законодательному определению информационного процесса.

Наиболее точный термин, применяемый в научных кругах СНГ: "Информатизация – организационный социально-экономический и научно-технический процесс создания оптимальных условий для удовлетворения информационных потребностей и реализации прав граждан, органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений на основе формирования и использования информационных ресурсов" [6].

При упрощении этого понятия можно выделить следующее определение: «Информатизация – это процесс, обеспечивающий информационные потребности кого-либо за счет информационных ресурсов».

Возникает необходимость определения термина информационных потребностей. Вот наиболее часто используемое определение – это потребности человека в получении таких данных, которые он мог бы интерпретировать соответствующим образом, то есть он мог бы преобразовать эти данные в соответствующий смысл или свое свободное волеизъявление [6].

Нормативная база, обеспечивающая развитие процесса информатизации в Украине в начальный период осуществления государственной программы регулировалась следующими законопроектами: “Об информационной безопасности и информационном суверенитете”, “Информационный кодекс Украины”, «Концепция развития информационной отрасли», “О государственных приоритетах информационной политики”, “О международном информационном обмене”, “О психологической защите населения”, “О защите информации в информационно-телекоммуникационных системах” [2]. Период рассмотрения и принятия этих законов прихо-